
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.511.2

DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-71-88

Самодийские языки и предыстория Западной Сибири (заметки на полях диссертации А. Ю. Урманчиевой)

В. В. Напольских

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Аннотация

В ходе обсуждения диссертации А. Ю. Урманчиевой рассматриваются проблемы древней этнической истории Западной Сибири. В целом высоко оценивая лингвистическую часть работы, автор критикует многие предлагаемые в диссертации этимологии, предлагает уточнения, новые интерпретации и подходы. В палеоисторической интерпретации лингвистических данных со многими выводами диссертации трудно согласиться, в связи с чем обсуждаются методологические аспекты использования лингвистических данных в изучении предыстории: условность схемы родословного древа; необходимость учета не только дивергентных, но и конвергентных и контактных языковых процессов и др.

Ключевые слова

Западная Сибирь, предыстория, этническая история, этимология, языковые контакты, генетическая классификация языков, самодийские языки, угорские языки, енисейские языки

Для цитирования

Напольских В. В. Самодийские языки и предыстория Западной Сибири (заметки на полях диссертации А. Ю. Урманчиевой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 71–88. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-71-88

The Samoyed languages and the prehistory of Western Siberia (notes on the dissertation of A. Y. Urmanchieva)

V. V. Napolskikh

*Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg Russian Federation*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract

The author examines the problems of the ancient ethnic history of Western Siberia, focusing on the history of internal and external relations of Samoyed languages considered in the dissertation “Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (based on the materials of Samoyed languages)” recently defended by A. Y. Urmanchieva. The study of the languages and prehistory of Western Siberia requires a new generalization of the materials accumulated over the last 20–30 years and therefore the dissertation looks timely. The linguistic argu-

© В. В. Напольских, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

mentation and conclusions of the dissertation are very thorough, as a rule acceptable, and can provide a basis for such a generalization. However, numerous etymologies proposed in the dissertation should be critically assessed, with corrections, new interpretations, and approaches to be offered. In particular, more attention should be paid to the external relations of Samoyed languages with Ugrian and Yenisei languages. The prehistorical interpretation of linguistic data in the dissertation seems questionable, raising concerns about the actual meaning of the Stammbaum scheme, the need to take into account divergent, convergent, and contact language processes, the role of groups without living daughter languages in prehistory, the importance of geographical and typological coverage, and the inclusion of data from early written sources, archaeology, and other disciplines for better understanding ancient ethno-linguistic processes.

Keywords

Western Siberia, prehistory, ethnic history, etymology, language contacts, genetic classification of languages, Samoyed languages, Ugrian languages, Yenisei languages

For citation

Napolskikh V. V. Samodiyskie yazyki i predystoriya Zapadnoy Sibiri (zametki na polyakh dissertatsii A. Yu. Urmanchievoy) [The Samoyed languages and the prehistory of Western Siberia (notes on the dissertation of A. Y. Urmanchieva)]. Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023. no. 4 (iss. 48), pp. 71–88. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-71-88

В июне 2023 г. в ВШЭ была успешно защищена диссертация А. Ю. Урманчиевой «Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков)»¹ (так же определяется основная цель диссертации автором [с. 4]²). В осмыслении этой проблематики к настоящему времени, очевидно, наметился определенный кризис. После оживленных археолого-этнографических дискуссий 1970-х гг. (Н. Л. Членова, М. Ф. Косарев, В. И. Матющенко, В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко и др.) в понимании предистории Западной Сибири произошла настоящая «лингвистическая» революция – прежде всего благодаря появлению самодийского этимологического словаря Ю. Янхунена и эпохальных работ Е. А. Хелимского и С. А. Старостина, в результате чего к концу XX в. сформировались общие представления о древних этноязыковых процессах в регионе и (что важно для нашей темы) о самодийской прародине и формировании самодийских языков. Однако за последние 25 лет накоплен обширнейший новый материал (в самоедологии прежде всего – в изучении маторского и энецкого языков), созданы новые обобщающие словари, гораздо яснее стали наши представления об исторической фонетике и морфологии многих языков Сибири, их генетических и контактных связях, фольклоре и мифологии. К настоящему времени очевидна необходимость вернуться к обсуждению широких этноисторических проблем, к построению обобщающих гипотез, которые, возможно, не только дополняют прежние, но и существенно скорректируют их. Попытки такого рода уже предпринимаются: не вдаваясь в историографический анализ, могу, например, упомянуть недавнюю монографию Н. А. Тучковой [2020] и главы своей книги [Напольских, 2022, с. 26–30, 61–99]. Таким образом, диссертация А. Ю. Урманчиевой является актуальнейшей работой, появление которой обусловлено современным состоянием науки и от которой можно ожидать прорывных и неожиданных результатов.

Автор определяет свою главную задачу как реконструкцию миграционных процессов в течение более полутора тысяч лет – после распада прасамодийской общности и до появления первых научных сведений о самодийцах в XVIII в., причем – и это принципиальный момент – предполагает сделать это исключительно лингвистическими методами [с. 7]. Сам по себе такой посыл имеет оправдание в том, что диссертация – лингвистическая, автор – лингвист и совершенно корректно считает нужным воздерживаться от привлечения источников за пределами языкознания. Нельзя, однако, не заметить, что при постановке задачи реконструкции исторических процессов исследователь неизбежно вынужден будет выходить за пределы лингвистики. Важно иметь в виду, что, коль скоро мы ограничиваемся языковыми данными, эта аргументация должна быть максимально полной и корректной, и в целом рассматриваемая диссертация в лингвистической своей части представляет собой тщательное, порой скрупулезное исследование. Тем более необходимым представляется обсудить отдельные спорные

¹ Информацию о защите, текст диссертации и автореферат см.: <https://www.hse.ru/sci/diss/825477618>

² Здесь и далее в квадратных скобках даются ссылки на страницы диссертации.

моменты и указать на некоторые особенности избранного подхода к привлечению лингвистического материала, которые, как мне кажется, ослабляют положения работы. В целом задачей данной публикации является не столько критика конкретных положений диссертации А. Ю. Урманчиевой, а обсуждение проблем предыстории Западной Сибири как в конкретной, так и в общеметодологической плоскости, для чего добротная и интересная диссертация дает очень хороший повод.

Главное внимание в работе А. Ю. Урманчиева уделяет внешним связям самодийских языков и генетическим и ареальным связям внутри самодийской языковой группы [с. 7]. Вторая задача в диссертации решается если не блестяще, то на очень высоком уровне, а вот с первой дело обстоит не так хорошо: исследование сосредотачивается почти исключительно на связях самодийских и обско-угорских языков, а древние контакты самодийских языков с языками других групп – тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, енисейской – специально почти не рассматриваются, потому что такие исследования якобы имеют солидную историю [с. 7–8, 16]. Посыл о возможности рассмотрения самодийско-(обско-)угорских изоглосс как инноваций и о необходимости развести такие инновации и общие архаизмы – очень верный и полезный (см. ниже). Однако трудно согласиться с утверждением о том, что внешние связи самодийских языков с языками названных выше неуральских групп изучены исчерпывающе. Даже самодийско-тунгусская проблематика, несмотря на подводящую итог работы многих ученых (см., напр., [Futaku, 1988]) ценнейшую монографию А. Е. Аникина и Е. А. Хелимского [2007], далека от идеальной изученности. Не уверен, что хоть сколько-нибудь существенно изучены самодийско-енисейские связи (известная статья Е. А. Хелимского [1982] посвящена в основном результатам поздних селькупско-кетских контактов). Вовсе в зачаточном состоянии находится вопрос о самодийско-иранских контактах: тут ссылаются обычно (как и в рассматриваемой диссертации) только на статью Ю. Янхунена [Janhunen, 1983], но при всем уважении к автору вряд ли можно думать, что ею тема закрыта. Между тем для реконструкции предыстории самодийцев эти данные могут иметь решающее значение (некоторые примеры см. ниже).

Начало диссертации посвящено старой проблеме угорско-самодийских языковых связей и уточнению вопроса о соотношении и динамике угорского и самодийского ареалов в предыстории Западной Сибири. Поскольку древние контакты двух восточных уральских групп – самодийской и угорской, несомненно, имели место со времени распада прауральского единства и до исторической современности, важно суметь стратифицировать следы этих контактов, развести результаты контактных конвергентных связей (как собственно контактных ареальных, так и «ареально-генетических» – в терминологии Е. А. Хелимского) и общие архаизмы. В основном успешное отделение общих архаизмов от инноваций – очень сильная сторона диссертации, тем более что, как правило, автор приводит надежные и убедительные аргументы в пользу своих решений. В работе привлекается достаточно данных о древних контактах южного угорского («мансийского» в терминологии автора – см. об этом ниже) и южносамодийских языков. Хотя в целом аргументы автора корректны и содержательны, ряд предлагаемых решений может быть оспорен:

– хант. Вах *kəlak* и др., манс. С. *χulax* ‘ворон’ и др. ~ сам. **kulâjâ* ‘тж’ [с. 24] – скорее естественное параллельное оноματοпозетическое образование, ср., напр., перс. *kalây* ‘ворон’;

– хант. Вах *kočŋi* и др., манс. С. *χəswoj* ‘муравей’ ~ сам. **kecz*, **keczmkâ* ~ **kuczmkâ* [с. 24] – вряд ли это результат позднего контакта, поскольку имеются параллели в уральских языках (ср., напр., удм. *kužijj*; см. по этому поводу замечание в [Хелимский, 1982, с. 244]), и корень даже рассматривается в ностратической перспективе [ND, с. 809]; колебания в консонантизме и тем более вокализме соответствующих слов в уральских языках и за их пределами объясняются, по-видимому, экспрессивным, оноματοпозетическим характером слова и связью его с обозначениями ‘мочи’ (удм. *kižanj* ‘мочиться’ и др.);

– сам. **pât(з)*- ‘опустить в котел’ ~ манс. С. *pēti* и др. ‘опускать в котел’ равно как и **pet(â)* ‘(глиняный) сосуд’ (ср. вариант с задним вокализмом: манс. С. *pūt*, хант. Вах *put* ‘котелок’ < ПФУ **pata* ‘тж’ – возможно, здесь перед нами еще один пример палатально-велярного дублета в языках урал-алтайского ареала, см. [Tatár, 1984]) [UEW, с. 358] имеют широкие параллели в Евразии (см. еще в [Напольских, 1989]), прежде всего юкаг. **pant-* ‘варить, класть в воду’ [Nikolaeva, 2006, с. 342–343] и вряд ли являются контактной изоглоссой;

– хант. Дем. *иңс* и др., манс. С. *īs* ‘нельма’ ~ сам. **ancz* (или хотя бы, как реконструирует А. Ю. Урманчиева, только сельк. *wāncə*) ‘тж’ [с. 28–29] – возведение этого слова к ПУ **ončz* ‘нельма’ [Sebestyén, 1935, с. 19; UEW, с. 339] остается наиболее адекватной этимологией, поскольку отмахнуться от коми *иž* ‘нельма’ нельзя: праязыковые фонетические соответствия безупречны. Отсутствие параллелей в других финно-пермских языках бассейна Волги (западнее в Европе нельмы не было) не должно смущать: древние названия крупных и ценных промысловых рыб не сохранились в поволжских языках в силу товарного характера волжского рыболовства и повсеместного распространения русских и татарских названий;

– хант. Вах *kōri* и др., манс. С. *kārāj* и др. ‘стерлядь’ ~ сам.: нен. *xiryi* ‘маленький осетр’ [с. 29] [Sebestyén, 1935, с. 26–27; UEW, с. 139] (формы типа сельк. *ķōr(ə)* ‘муksун’ восходят не к этому ПУ корню, что напрасно опровергается в диссертации, а к ПУ **korz* ‘сиг, рыба из сиговых’ [UEW, с. 187]). Едва ли правильно исключать «единичную, и потому признанную самим Редеей ненадежной фиксацию коми слова в материалах Палласа»: во-первых, у Палласа не коми, а удм. *karej* ‘стерлядь’, во-вторых, как уже сказано выше, возможности сохранения ихтионима в финно-пермских языках ограничены и пренебрегать даже единичными фиксациями опасно. Кроме того, предложенная И. Шебештьен эстонская параллель *luu-kar(n)its* ‘трехиглая колюшка; *Gasterosteus aculeatus* L.’ отвергнута в UEW недостаточно основательно: заднерядный вокализм эстонского слова может объясняться сдвигом в словосложении с *luu* ‘кость’ (И. Шебештьен, впрочем, приводит еще диалектный (?) вариант *luu-kerts*), а сдвиг семантики хорошо объяснен в [Sebestyén, 1935, с. 27];

– манс. С. *ñār* и др. ‘болото’ ~ сам.: сельк. *ñarə* ‘тж’ [с. 30]. Помимо сравнения с эвенк. *нярү*, предлагаемого в диссертации для доказательства отнесения этой параллели «к группе западносибирских бродячих слов», следует не забывать о ПУ **ñorz* ‘болото’ [UEW, с. 324], и относить это слово к сепаратным мансийско-самодийским параллелям никак не возможно;

– говоря об обско-угорско-самодийской параллели **numz* ‘верхняя часть, небо; бог’ [UEW, с. 308] как о возможном заимствовании в самодийские из обско-угорских [с. 34], следует иметь в виду, что этот религиозно-мифологический термин во всех западносибирских языках может быть заимствованием из среднеиранского источника: иран. **namah-* ‘преклонение, почитание (богов)’ < **nam-* ‘сгибаться, кланяться’ [ЭСИрЯ V, с. 453–455]. Этот пример показывает необходимость более тщательно рассмотреть вопроса об ирано-самодийских контактах, о чем было сказано выше;

– рассматривая ПУ **kuttz* ‘спина’ [UEW, с. 225] (> хант. Юган *kutəl* ‘за, под защитой’ и др., манс. С. *χūtäi* ‘тж’, венг. *hát* ‘спина; обратная сторона’ ~ сам.: сельк. *ķottä* ‘навзничь’ и др.) как сугубо угорско-самодийскую основу со значением ‘спина’ [с. 34–35], следует иметь в виду, что ПФУ **kutte* ‘шесть’ может объясняться как образование от ПУ **kuttz* ‘спина’ параллельное с ПСам **māktāt* ‘шесть’ < **mākā* < ПУ **muka* ‘за, позади; спина’ [SW, с. 85; UEW, с. 225], и таким образом ПУ *kuttz* ‘спина’ может получить право на существование;

– сельк. *tapäk* ‘белка’ сравнивается на предмет общей изоглоссы с манс. *tap* в С. *mā-tapriš* ‘мышь; крот’ и венг. *evet* ‘белка’ [с. 38] (в [UEW, с. 436] < ПУ **sāpз / šāpз*). Но в мансийском значение ‘белка’ не зафиксировано! С другой стороны, слово имеет интересные алтайские параллели: ПТМ *дэбдирун* ‘густой (о шерсти), мохнатый, пушистый’ < **dep-* ‘мягкий, пушистый, шерстистый’ (ср. еще нан. *debžini* ‘беличье или соболе гнездо’ [ССТМЯ I, с. 227] ~ кор. *tabok* ‘густой, пышный’ < ПАлт **dēp’a* [EDAL, с. 472]);

– хант. Вах *pāčak* и др. ‘мертворожденный ребенок, дух такого ребенка’ ~ сельк. *pačija* ‘живущий в холмах дух, который воет по ночам и пугает детей’. Общеселькупское слово не может быть, согласно концепции диссертации, заимствованием из хантыйского, поэтому реконструируется гипотетическое мансийское **pāčik*, которое предлагается как наиболее вероятный источник заимствования в селькупский [с. 39]. Возникает вопрос: а почему не предположить селькупское заимствование в восточнохантыйские диалекты или общее заимствование из третьего языка?

– манс. С. *χiis* и др. ‘работник, слуга’, венг. *hős* ‘герой, (диал.) неженатый юноша’ имеет параллель не только в сельк. *kečə* ‘слуга’ [UEW, с. 110], которое А. Ю. Урманчиева предлагает считать заимствованием из мансийского, но и в мар. *kače* ‘парень, жених’, которое не обязательно заимствовано из чув. *kačə* ‘тж.’ [UEW, с. 110]: чувашское слово не имеет другой этимологии и скорее само является заимствованием из марийского [ЭСЧЯ I, с. 242];

– по поводу сельк. *šāk* ~ манс. Пел. *šāx* и др. ‘соль’ [с. 40] см. [Напольских, 2022]; венг. *só* с этими словами не связано, возможно, сюда относится венг. *szik* (/ *szik* / *szék*) ‘болото; солончак, наземные выходы соды, натрон’. Енисейское происхождение мансийского и селькупского слов несомненно (мнение автора диссертации о том, что это «исконно иранский культурный термин», основано на ошибочной этимологии Е. Коренчи), и этот очень важный момент следовало бы учитывать в построениях диссертации: в контакте южного угорского (может быть, домансийского) диалекта с доселькупскими диалектами прасамодийского должны были принимать участие енисейцы. Кроме того, рассматривать данную изоглоссу как общую инновацию нельзя: в хантыйском ‘соль’ – поздний пермизм, в саянских самодийских – тюркизм, а в северных самодийских – инновационное слово со значением ‘белая’ – вполне возможно, что старое енисейское по происхождению название соли вытеснено в этих языках новообразованиями;

– «уникальная связь» между названием мизинца, предплечья и икры ноги в камасинском и мансийском [с. 42] на самом деле не прослеживается: в мансийском имеем манс. *S. sirēx-tul’ä*, что, скорее всего, означает ‘слабый палец’ (*tul’ä* ‘кольцо, наперсток, палец’, а *sirēx*, не имеющее в сосвинском мансийском отдельного значения, скорее всего, соответствует манс. Тавд. *šērāx* ‘редкий, разреженный’ < тат. *sirāk* ‘редкий, нечастый’ [WogW, с. 542, 550, 678] с переходом ‘редкий’ > ‘слабый’ (примеры см.: <https://datsemshift.ru/shift358>) ~ *kat-sirx-kattul’* ‘руки слабый палец / кольцо’, предплечье и *löl-sirx-kattul’* ‘ноги слабый палец / кольцо’, икры – а в камас. *seme* ‘мизинец’ (в записи М. А. Кастрена) и *sə^Bmuīä*, *sə^Bmī’oñälä* ‘предплечье, запястье’ (возможно, тюркизм: карагас. *semei ergäk* ‘мизинец’, якут. *sömijö* ‘указательный палец’) при *muīä* ‘палец’ – как это слово связано с *seme*? Также непонятно, как *muī*, *māi* ‘берцовая кость’ (“Wadenbein” – не ‘икры’!) [KamW, с. 41, 58] связано с предшествующими словами;

– связь названия красного цвета с названием крови в мансийском, хантыйском и камасинском действительно типологически достаточно распространенный семантический переход [с. 43], но и в Западной Сибири не уникальный: ср. коми *gerd* ‘красный’ и *gird* ‘(запекшаяся) кровь’.

Более мелкие замечания есть и к другим этимологиям этого списка. В целом можно сказать, что приводимые в диссертации мансийско-селькупские сепаратные параллели (1.2.1.–1.2.14) не очень выразительны, а трактовка их как именно мансийских заимствований в селькупском почти никогда ничем не подтверждается, параллели же мансийского с камасинским минимальны. Поэтому вывод о том, что «на изложенном лингвистическом материале вывод о контактах манси, селькупов и камасинцев можно сделать достаточно надежно» [с. 44], нельзя признать доказанным. Корректнее (учитывая также параллели, не приводимые в диссертации) было бы говорить о возможных контактах где-то на юге таежной зоны южноугорских (в том числе домансийских и довенгерских) диалектов с доселькупскими диалектами прасамодийского, в которые были вовлечены также енисейцы (см. возможные енисейские заимствования в мансийском и венгерском в [Напольских, 2022], о трактовке связей самодийских языков с енисейскими А. Ю. Урманчиевой см. ниже), а отсутствие следов этих контактов в хантыйском объяснять, по всей вероятности, тем, что праугры-манче, язык которых лег затем в основу хантыйского, мигрировали на север раньше, чем угорские предки манси. В связи с этим нельзя не заметить некоторую тенденциозность диссертации в приписывании именно мансийскому языку тех черт, которые отражают контакты с селькупским ареалом: см., например, «можно предполагать, что некоторые черты, характерные для языков верхнеобского ареала, хантыйский и мансийский не унаследовали от праобскоугорского, а приобрели независимо» [с. 64] – т. е. в хантыйском эти черты возникли после экспансии восточных хантов вверх по Оби и вхождения их в «верхнеобский ареал». Доказывается этот тезис на примере системы наречий, описывающих ориентацию относительно берега / огня / воды и относительно течения реки, но в приводимой таблице есть только один восточный хантыйский (тромьюганский) пример, остальные – исключительно южные и северные! Возникает вопрос: действительно ли эти черты характерны для языков «верхнеобского ареала» и каковы механизмы их распространения в северных и южных хантыйских диалектах?

Вместе с тем безусловный интерес представляет предложенная в диссертации этимология одного из старых самоназваний селькупов **šōšä-ḱum* из манс. ‘коренной, местный человек’ (манс. *S. sossä ḱum* и др.) [с. 50] – учитывая, что хантыйская параллель (Дем. *ššä.Džž* и др.) указывает на исконный **š*- в обско-угорских, который в селькупском дал бы **š*-, а не *s*-, здесь действительно можно вести

речь о заимствовании из угорского диалекта, близкого к мансийскому (но совершенно не обязательно из мансийского как такового). Что касается этимологии записанного Г. Н. Прокофьевым названия селькупского рода *maş qul* из манс. (почему не праугорского?) **māñcī* (в свете угорских параллелей правильнее **mañcz* со вторичной палатализацией в мансийских диалектах, хотя, учитывая наличие в венгерских памятниках форм *megyer* – название племени, входившего в венгерский союз племен – и *magyar* – самоназвание венгров [UEW, с. 866–867], здесь вновь можно видеть палатально-велярный дублет) > С. *māñsi* и др. ‘самоназвание угров-манче’ [с. 51], она кажется слабее: *maş qul*, все-таки – *hara*, который может быть очень поздним окказионализмом, а фонетика скорее могла бы указывать на севернохантыйское происхождение слова (**mañcz* > хант. сев. *mōś*). Еще сложнее с объяснением камас. *kañmāžə* ‘камасинец’: **«представитель рода Мась с реки Кан»* как результата переноса относительно старого, заимствованного из селькупского языка этнонима на юг (предполагать присутствие манси на Кане все-таки довольно сложно): в этом случае шанс на столь раннее возникновение селькупской формы с денализацией значительно слабее и в любом случае нуждается в дополнительных доказательствах.

Анализ контактной проблематики выходит за пределы собственно самодийских и угорских языков только когда в работе обсуждаются (южно)самодийско-енисейские связи [с. 52–56]. Как было отмечено выше, отказ от рассмотрения большинства внешних связей самодийских языков является недостатком, препятствующим реальной реконструкции самодийской предыстории. Мне не так давно удалось, кажется, продемонстрировать наличие ряда интересных старых енисейско-угорских (преимущественно мансийских и венгерских) параллелей [Напольских, 2022, с. 68–90], говорящих в пользу активного участия енисейцев в (южно)угорско-(южно)самодийских взаимодействиях, вследствие чего этот пункт диссертации для меня особенно интересен. Автор справедливо отмечает (во многом вслед за Е. А. Хелимским), что большинство кетско-селькупских параллелей представлено только в северных селькупских диалектах, и они «должны быть отнесены к эпохе после диалектной дивергенции праселькупского» [с. 53]. Представления о «диалектной дивергенции праселькупского» будут обсуждаться ниже, но тезис о том, что эти кетские заимствования относительно поздние и относятся к эпохе расселения селькупов на север и образования северноселькупского диалектного ареала, оспаривать не приходится.

Главный недостаток списка в целом интересных и в основном приемлемых общеселькупско-енисейских параллелей [с. 53–54] – отказ от использования достижений енисейской реконструкции, опора исключительно на кетский и югский материал, вследствие чего они выглядят как опять-таки весьма поздние заимствования (вследствие этого сюда не попала, например, безусловно древняя селькупская ‘соль’ – см. выше). Встречаются в списке странные дублеты, которые никак не комментируются:

– сельк. *sājpa* ‘ягоды рябины’ < кет. *sānef* [с. 54] – общеселькупское заимствование, а сельк. сев. *sāna* ‘рябина’ < кет. *⁵sāne* [с. 54] – заимствовано (вновь?) после «распада праселькупского»;

– аналогично сельк. *oñal* ‘яичники’ < кет. *eñ* ‘яйцо’ и сельк. сев. *eñ* ‘яйцо’ < кет. *eñ* ‘яйцо’ [с. 53, 55].

Резюмируя свои наблюдения, автор делает вывод, что «контакты самодийцев и енисейцев следует признать достаточно поздними: камасинский и маторский контактировали с коттским, камасинский, возможно, также с ассанским, селькупский – с кетским», причем все эти контакты (кроме общеселькупско-кетских, тоже, впрочем, не слишком древних [с. 59]) могут быть объяснены ситуацией XVII в., отраженной на известной карте Б. О. Долгих [с. 58]. Вывод этот не выглядит соответствующим действительности. Прежде всего непонятно, почему не обсуждаются старые и хорошо известные параллели: кет. *amta* ‘даже’ (препозит. частица) ~ сельк. *ämtä* ‘даже’ – ср. не приведенное Е. А. Хелимским нган. *amtä* ‘вот’; кет. *bⁱenⁱšej* ‘легкое’ ~ сев.-сам. **wājntät* ‘дыхание’; кет. *¹los* ~ нен. лес. *lōs* ‘vagina’; кет. *hango* ‘мухомор’ ~ ПУ **pañka* (источником кетского слова мог быть угорский или самодийский язык) и некоторые другие, приведенные в [Хелимский, 1982]. Диссертация посвящена в основном анализу лексики, но неплохо бы обратить внимание и, например, на параллели в фонетической эволюции, особенно на уникальный переход **ś- > k-* в маторском и пумпокольском (с не столь системными, но имеющимися примерами в нганасанском и аринском) [Helimski, 1997, с. 79; Старостин, 1982, с. 150–151, 156–157] и более типологически понятный, но не теряющий от этого значения переход **p > h*, объединяющий маторский, нганасанский и кетский языки. Дей-

ствительно ли заимствование лесным энецким из кетского двух основ личных местоимений – всего лишь «курьезный факт» [с. 53]?

Еще один выход в работе за пределы уральских языков – экскурс о тюркизмах в обско-угорских, где, опираясь на данные А. Каннисто, А. Ю. Урманчиева показывает, что в мансийском их на два порядка больше, чем в хантыйском, а в южных диалектах обоих языков, естественно, больше, чем в северных. Проблема здесь только в том, что речь идет на самом деле о татарских заимствованиях, которые вряд ли древнее XIII–XIV вв. Наблюдения автора можно было бы дополнить данными о коми (пермских) заимствованиях в обско-угорских языках по [Toivonen, 1952; Rédei, 1970]: начало контакта следует датировать не позднее XI в., а распределение их в обско-угорских диалектах прямо зеркально по отношению к татаризмам. Пермизмов, проникших во все хантыйские диалекты, – 75, во все мансийские – 38, при этом в северных мансийских – 288, в западных – 137, в восточных – 142, в южных – 47, в северных хантыйских – 295, в южных – 185, в восточных – 122. Пермские заимствования проникали с северо-запада или даже с севера (это в особенности маркируется обско-угорскими словами для ‘моря, низовьев Оби’, заимствованными из пермского), и их распределение также показывает более северное первоначальное расположение хантыйского по отношению к мансийскому (обо всем этом подробнее см. [Напольских, 2018, с. 233 pass.]). Здесь вновь перед нами пример того, что для лингвистической реконструкции необходим как можно более широкий учет всех данных, в том числе – и в особенности – данных о контактных связях рассматриваемых языков.

Переходя к внутрисамодийской проблематике, анализ данных автор начинает с лексикостатистики. Вообще следует отметить, что именно лексике в работе уделяется основное внимание, и диссертация по сути базируется на лексическом материале. Немногие (при этом весьма квалифицированные) экскурсии в область морфологии мало что меняют, а к рассмотрению фонетических изоглосс, кажется, автор вообще не считает нужным обращаться, что нельзя приветствовать (см. об этом еще выше, в частности, в рассмотрении енисейско-самодийских связей).

Замечателен и очень полезен для дальнейших исследований подход автора к лексикостатистике: во-первых, предложенные уточнения по составу лексикостатистических списков (рассматриваются два значения для ‘лежать’: о человеке и о животном; два значения ‘гореть’: об огне и ‘гореть в огне’; вместо общего понятия ‘путь’ – разные типы дорог: ‘дорога’, ‘след’, ‘аргишный путь’, ‘тропа’; вместо единого значения ‘дом’ – два: ‘чум’ и ‘дом’ (стационарный) и др.) [с. 68–69] не вызывают никаких возражений, и их безусловно следует применять в работе как с уральскими, так и с другими сибирскими языками. Во-вторых, составление новой версии стословных списков для самодийских языков и по старым стословникам [с. 67] абсолютно оправданно, а методика, предложенная автором, может рассматриваться как образцовая. Поэтому в основном лексикостатистические материалы и выводы диссертации вполне основательны и надежны. Естественно, к отдельным моментам возникают вопросы. Например, автор оперирует понятием «селькупский язык» [с. 12] и далее в примечании уточняет, что для селькупского замены, произошедшие только в одном диалекте, в подсчетах не учитывались, а в другом месте говорит: «селькупский является очевидно многодиалектным; при определении того, имеет ли некоторое слово из списка соответствие в селькупском, я считала достаточным, чтобы слово было представлено хотя бы в одном диалекте селькупского» [с. 67], и при этом в таблице [с. 72 pass.] видим отдельно южный и северный селькупский, о которых далее как об отдельных идиомах не говорится. Здесь явно налицо какая-то непоследовательность. Кроме того, многодиалектность явно влияет на итоговые цифры (ср. в общененецком уникальных замен в диагностическом списке – 6, а если прибавить замены, произошедшие только в лесном ненецком, т. е. увеличить диалектную базу, это число возрастет до 10 [с. 12]). Может быть, причина высокого процента замен в селькупском как раз в том, что учитывается разнодиалектная лексика?

Безусловно верным следует признать положение о том, что «лексикостатистический метод дает нам изначально довольно неточный инструмент оценки относительного временного расстояния между отдельными языками: в нем не проводится различия между совпадениями, возникающими за счет сохранения общих архаизмов и за счет возникновения общих инноваций» [с. 12], – и соответственно, автор совершенно правильно уделяет внимание количеству лексических инноваций в отдельных языках, при этом еще и разделяя их на имеющие внутренние самодийские истоки и не имеющие таковых («неэтимологизируемая лексика»). Чрезвычайно полезны и важны своды таких «уникальных лекси-

ческих единиц», представленных в лексикостатистических списках [с. 88–94]. Обращает на себя внимание минимум имеющих самодийскую этимологию инноваций и полное отсутствие уникальных инноваций в энецком [с. 95]. Энецкий язык выглядит поэтому каким-то самым «центральным» самодийским, в котором происходило меньше всего инновативного развития и нет несамодийского субстрата, что, наверное, может иметь значение для палеоисторических реконструкций (правда, вновь встает вопрос: а как быть с «курьезным фактом» заимствованных из кетского местоимений?). С другой стороны, важен безусловно заметный (в два с половиной раза в среднем выше, чем в других) высокий процент инноваций (особенно уникальных!) в селькупском и нганасанском. По-видимому, это должно отразиться на статистике и нуждается в историческом объяснении: если для нганасанского можно предположить неизвестный полярный субстрат, то селькупский, кажется, развивался почти на прародине. Возможно, повышенное число инноваций в селькупском объясняется его «многодиалектностью», но не исключено, что его можно рассматривать как маркер центрального места камасинско-селькупской группы (камасинский – третий по числу уникальных инноваций язык), где шло наиболее бурное развитие лексики, сохранялись и использовались в развитии лексикона слова, не дошедшие до других языков. Тогда можно по-другому, нежели в диссертации, интерпретировать и особую близость маторского и ненецкого языков как периферийных, до которых инновации не доходили, вследствие чего в них сохранилось много общих архаизмов, отсутствующих (замененных) в других языках (в селькупском и камасинском развитием «старого центра», в нганасанском – субстратным воздействием) и в общем виде воспринимаемых как инновации.

Здесь мы переходим к одному из самых острых по новизне положений диссертации: о близости маторского языка к северносамодийским и даже специально к ненецкому. В таблицах на с. 79–80, подводящих итог лексикостатистических подсчетов, не заметно особых связей маторского с северносамодийскими, относительно пониженный процент совпадений он дает с селькупским и нганасанским – одним южным и одним северным, причем для обоих характерно наличие повышенного числа уникальных инноваций в списке (селькупский вообще дает самый малый процент совпадений со всеми языками). Кроме того, как отмечает автор, более высокие проценты соответствия в столбце маторского языка дает разница методики, связанная с недостаточностью маторского материала [с. 79].

Поэтому основой гипотезы о близости маторского и северносамодийских / ненецкого является наличие между ними инновационных лексических параллелей. Значительная часть этих маторско-северносамодийских параллелей действительно надежна, но интерпретация их как инноваций в большинстве случаев базируется только на отсутствии возможности вывести этимологии на уральский уровень, что представляет собой, по сути дела, *argumentum ex silentio*. Предлагаются, впрочем, и маторско-северносамодийские инновации, которые можно оспорить:

– мат. *nara*, нен., эн. *nara*, нган. *noru* ‘наст, весна’. «Внешних уральских параллелей слово не имеет» [с. 121], но ср. венг. *nyár* ‘лето’ (до сих пор считается словом неясного и спорного происхождения [EWU, с. 1037]), источником венгерского (а может быть, и самодийских?) слов мог быть какой-то дери́ват ПАлт **ñjār(à)* ‘молодой; весна, лето’ > тунг. *ñar-gu-* ‘новый, свежий’, тю. *jār* ‘весна, лето’ и др. [EDAL, с. 988–989];

– мат. *seret* ‘град’ < **ser* ‘лёд’ и когнаты в северносамодийских [с. 121]. Поскольку в селькупском и камасинском соответствующие слова – заимствования, то нет оснований думать, что данное слово не отражает прасамодийскую лексему (в другом случае автор следует именно этой логике: «селькупский и камасинский не дают однозначных оснований для того, чтобы признать **per* северносамодийско-маторской изоглоссой, так как и в камасинском, и в селькупском это значение выражается заимствованиями» [с. 126–127]);

– мат. *hinzi* ‘вошь’, нен. *rəncuq°*, эн. *pod’udəʔo*, нган. *hon’d’ajt’iʔa* ‘крупная вошь’ [с. 121–122] – ср. не имеющее до сих пор внешних параллелей ППерм **pič* ‘блоха’ – если *-*n-* в самодийских рассматривать как результат контаминации с ПСам **āncā* (~ **amčā*) ‘вошь’;

– мат. *aŋga*, нен. *ŋaŋk°* и др. ‘мочевой пузырь’ [с. 123–124]. Поскольку для камасинского специального термина для этого органа не зафиксировано вообще, нельзя быть уверенным, что там не был представлен тот же корень;

– мат. *Enžá* ‘прямой’, нен. *nyensa* ‘прямой’ и др. [с. 127]. Помимо сравнения с венг. *ëgyenës* ‘тж’ < *ëgy* ‘один’, сюда же можно отнести и фин. *ensi* ‘первый, передний’ и остальные уральские параллели из статьи **ońca* ‘перед’ в [UEW, с. 339], колебания в вокализме с корневым *-e- вполне допустимы;

– мат. *amsa* ‘мясо’, нен. *ŋætса* ‘мясо’ и др. [с. 127–128]. То, что сельк. *apsə* означает ‘еда’, мало меняет дело: семантический переход элементарен. Дальнейшие рассуждения в диссертации путаны и не очень убедительны, судя по табл. на с. 127, скорее имела место шедшая с севера инновация распространения ПСам **ájá* ‘мясо’ на оба значения, достигшая максимума в камасинском, но не дошедшая до маторского;

– мат. *labta* ‘низкий’, нен. *læbta* ‘ровное низинное место’ и др. [с. 128]. В высшей степени странно выглядит рассуждение: «из-за спорности фонетических сравнений в [UEW] и распространенности основ рассмотренной фонетической структуры в сфере образной лексики, выражающей значение ‘плоское, низкое, шлепающее’ – можно считать **lāptā* северносамодийско-маторской инновацией». Если такое ономотопозитическое новообразование частотно, доказать его общее происхождение невозможно. Кроме того, поскольку селькупский и нганасанский дают нам в этом семантическом поле общую инновацию, равно и в камасинском имеем явно инновационные модели [с. 128], – как можно быть уверенным, что маторско-северносамодийская изоглосса не архаизм?

– мат. *salə-* ‘блестеть, мигать’, нен. *saləm/cy*^o ‘появиться на мгновение’, нган. *solə* ‘блеск’ < **sālə-* ‘блестеть’ [с. 129]. Сюда, безусловно, следует отнести фин. *salama* ‘молния’ и ПУг **sāl* ‘сверкать, молния’ < ПФУ **šala-* ‘сверкать, молния’ [UEW, с. 459], с интересными индоевропейскими параллелями типа тох. А *slam*, В *sleme* ‘пламя, молния’;

– мат. *sarma* (? *sārma*) ‘окно’, нен. *sarwa* ‘верхушка чума’ и др. [с. 132]. Внешних уральских параллелей слово, возможно, и не имеет (если относить манс. С. *surém* и др. ‘дымовое отверстие в чуме’ к числу «бродячих слов», как это довольно произвольно делает автор), но как быть с камас. *māzəro* (при *mā?* ‘чум’, упрощение *-rm- > -r- по диссимиляции с m-), см. [UEW, с. 463];

– мат. *kaj-*, нен. *xæ/sy*^o < **kāj-* ~ **kāń-* ~ **kāj-* ‘идти’, ср. также ПСам **kāń-* ‘уйти, пойти’ [с. 159]. На самом ли деле эти слова не связаны с ф.-волж. **kāwe* (> мар. *kaj-*) ‘идти’ [UEW, с. 654]?

– мат. *ajba*, нен. *ŋæwa* и др. ‘голова’ < **ojwa* ‘голова’ [UEW, с. 336]. Здесь автор сама признает, что перед нами не инновация, а архаизм [с. 123].

С другой стороны, при рассмотрении маторско-камасинско-селькупских параллелей автор крайне неохотно признает их инновативный характер, см., например, [с. 100]:

– мат. *emaldə-*, камас. *nōmäl-*, сельк. *emäl-* ‘забыть’. В нганасанском представлен не имеющий когнатов глагол ‘забыть’, в ненецком и энецком в этом значении развились дериваты общесамодийского глагола **jürə-*, ‘потеряться, заблудиться’;

– мат. *čöh-*, камас. *d’uʔ-*, сельк. *čō-* ‘мазать’. В нганасанском – не имеющие когнатов глаголы, в ненецком и энецком семантические инновативы от ПСам **māsə-*, означавшего исходно ‘мыть’;

– мат. *kō-hō* (*hō* ‘год’), камас. *k’ē*, сельк. *ke* ‘зима’. В ненецком, энецком и нганасанском значение ‘зима’ – инновативный дериват ПСам **sjrā* ‘снег; зима’ < ПУ **šarə* ‘снег’.

Во всех трех случаях логика отрицания инновативного характера маторско-камасинско-селькупской параллели непонятна: если это не инновации, а архаизмы, то архаизмы от чего? Где, помимо этих языков, сохранились корни, которые позволили бы считать эти слова архаизмами? Несмотря на такой ригористический подход, автор не может отрицать наличие как минимум девяти инновационных маторско-камасинско-селькупских параллелей [с. 104 pass.] и еще почти по 8–9 сходений с камасинским и селькупским отдельно [с. 117 pass.] (всего – около 25), со всеми тремя северносамодийскими маторский имеет 15 общих инноваций, с ненецко-энецким – 12, с энецким отдельно – 3, с ненецким – 8 (всего с северносамодийскими 38) [с. 165 pass.]. Такие цифры не позволяют сказать о маторском ничего, кроме его обособленной позиции среди самодийских, которая, впрочем, может быть кажущейся вследствие дефектности маторских (а также и камасинских – что в данном случае также важно) материалов. Следует обратить внимание и на характер общих северносамодийско-маторских инноваций: в основном эта лексика очень неспецифическая, нередко относящаяся к базовой (‘наст; весна’, ‘потеряться, заблудиться’, ‘(крупная) вошь’, ‘мочиться’, ‘согнуть’, ‘зажечь’, ‘песок’ и т. п.) [с. 165–169] – ср., например, энецко-нганасанские параллели, явно отражающие вторичный контакт и представляющие собой в значительной мере, если не в основном, термины олене-

водства (в том числе названия частей тела оленя, транспорта и т. п.), промысловые термины, названия элементов полярного ландшафта и т. п. [с. 222–225]. Естественно, это можно объяснять общим генетическим прошлым ненецкого и маторского, но, поскольку речь идет об инновациях, а именно так интерпретирует их автор, ограничение их семантики именно базовой лексикой выглядит все-таки не очень хорошо.

В целом представленный материал, на мой взгляд, не дает оснований беспрекословно выстраивать праненецко-маторскую общность (как делает автор диссертации) и отказаться от возможности альтернативного объяснения позиции и связей маторского языка как изначально периферийного (южно-го, юго-восточного?), в котором, как и в других периферийных языках, ненецком и энецком (северо-западных), сохранялись различные архаизмы, вытесненные в центре самодийского ареала. Точка зрения, отстаиваемая в диссертации, могла бы быть подкреплена параллелями, отражающими общие инновации в морфологии и фонетике, но их крайне мало (не более трех не слишком показательных морфологических сходжений, фонетика почти не рассматривается). В то же время маторский обнаруживает общие фонетические изоглоссы отнюдь не с ненецким (например, самое характерное ненецко-нганасанское развитие $*V- > *ɲV-$ отсутствует в маторском; впрочем, отсутствие этой инновации в энецком может указывать на ее поздний характер), а с пумпокольским, и частично с аринским и нганасанским языками (типологически редкий переход $*ś- > k-$), и с нганасанским и кетским (переход $*p > h$) (см. выше) [Helimski, 1997, с. 79; Старостин, 1982, с. 150–151, 156–157].

В любом случае, если гипотеза об особых связях северносамодийских (ненецкого) и маторского имеет право на существование, необходимо более детальное обоснование прежде всего хронологии этих особых связей: на каком этапе произошло отделение маторского, как примерно можно датировать это событие? Эти вопросы можно решить, только рассмотрев хронологию фонетических и морфологических изменений в рассматриваемых языках и связанную с ними хронологию заимствований (прежде всего – тюркских и монгольских в маторском и угорских в ненецком). Возможно, если такая работа будет проделана, гипотеза о маторско-ненецком единстве может быть подтверждена или скорректирована.

Вторая интересная гипотеза, выдвигаемая в диссертации, – об особых связях нганасанского с селькупско-камасинской группой. Посылком для ее выдвижения является следующее рассуждение: «зная, что в нганасанском высок процент слов, не имеющих соответствий в других языках, нам приходится искать специальное объяснение тому, что нганасанский НЕ ДАЕТ сниженного процента лексических соответствий с селькупским и камасинским в сравнении с другими северносамодийскими. Иначе говоря, примерно РАВНОЕ расстояние от камасинского и селькупского до любого из северносамодийских языков в действительности говорит о ПОВЫШЕННОМ проценте лексических соответствий между нганасанским и селькупским и нганасанским и камасинским. Тем самым, мы наблюдаем вовсе не (псевдо)идеальную картину отсутствия контактов между языками разных подгрупп, а как раз свидетельства возможного контакта между нганасанским и селькупским и нганасанским и камасинским» [с. 97]. Верно ли это математически? Предложим простую модель, в которой запись $L = 11, 12, 13$ означает, что в языке L есть слова $11, 12, 13$; тогда можно выстроить схему с пятью языками:

A = a1, a2, a3, b1, b2, c1, c2, d1, f1
 B = b1, b2, b3, a1, a2, c1, c2, d1, f1
 C = c1, c2, c3, c4, a1, a2, b2, d2, f2
 D = d1, d2, d3, d4, d5, d6, f1, f2, f6
 F = f1, f2, f3, f4, f5, f6, d1, d2, d6

Здесь язык C (нганасанский) содержит больше особых слов и примерно равно удален от A и B, которые ближе друг к другу, при этом все языки первой группы равно удалены от D и F. Слов в нашей схеме для наглядности мало, но их количество можно увеличить в пропорции хоть до ста³. Поэтому вновь главную роль в доказательстве гипотезы о вторичном контакте селькупско-камасинского и нганасанского играют сепаратные инновации. Автор оценивает их количество так: нганасано-

³ Благодарю М. О. Бахтерева (Екатеринбург) за консультацию.

селькупско-камасинских параллелей 53 (в основном инновации), с ненецким и энецким у селькупско-го и камасинского – 32 параллели (как инновации могут рассматриваться лишь 7) [с. 220–221]. Здесь цифры кажутся более доказательными, чем в случае маторско-ненецкого кластера. Для уточнения их я бы предложил осторожнее отнестись к нескольким этимологиям, которые представляют собой скорее архаизмы:

– нган. *śaruŋ* ‘стыд’ ~ сельк. *śora* ‘стыд’, камас. *šēral'em* ‘стыдиться’ < **kerz-* [с. 175]. Возможно, здесь имеется внешняя параллель: удм. *ker pottinj* ‘стыдиться, стесняться, выказывать стыд’ (*pottinj* ‘выдавать, выпускать, выказывать’) – удмуртское слово можно еще рассматривать как чувашское заимствование (*xur* ‘обида, позор, унижение’ < **qor* или *xāra-* ‘бояться’ < **qorq-* [ЭСЧЯ II, с. 333, 360]), но эта версия выглядит хуже семантически и почти невозможна по вокализму;

– нган. *h'ejbi* ‘жар, жара; теплый, тепло’ ~ сельк. *pū* ‘теплый’ < **pejwä* никак нельзя отделять от фин. *päivä* ‘солнце, день’, коми *bi* ‘огонь’ и др. < ПУ **pä(j)we* ‘теплый’ [UEW, с. 366–367];

– нган. *bəru* ~ сельк. *kūrə* < **wārə* ‘лесистая возвышенность’, при этом эн. **baru?* автор рассматривает по сути как нганасанское заимствование [с. 110]; эти слова, конечно, связаны с фин. *vuori*, коми *ver* и др. < ПФУ / ПУ **were* с точно тем же значением ‘лесистая гора’ [UEW, с. 571] (в UEW дано еще камас. *bōr* ‘гора, грива’);

– нган. *bie* ‘ветер, запах’ соответствует сельк. *kjč(č)ə* ‘запах’, оба слова можно возвести к праформе **wijə*. Слово рассматривается как инновация на фоне общесамодийского **merkä* ‘ветер’ [с. 200–201]. Этот случай особенно интересен в свете указанных выше проблем с учетом данных о внешних связях самодийских языков. Если действительно можно восстанавливать нган.-сельк. **wijə* ‘ветер’ (значение ‘запах’ из общих соображений следует считать скорее вторичным), то трудно не заметить его сходство с иран. **vāju-* ‘ветер’ (ав. *vaui-* ‘тж’, осет. *wæjyg* ‘великан-вайюг’ и др.) [ИЭСОЯ IV, с. 68–71; KEWA I III, с. 190–191]. Если перед нами действительно иранизм, то возникает вопрос о том, каким образом иранское заимствование могло попасть в нганасано-селькупский ареал, обойдя другие самодийские диалекты, и как такое заимствование могло быть столь поздним.

Однако эти замечания не отменяют наличия большого числа сепаратных нганасанско-селькупско-камасинских параллелей. Означает ли это, что нганасанский язык непременно должен был соседствовать с селькупско-камасинским на какой-то стадии своей предыстории? Здесь начинается уже историческая интерпретация лингвистических выводов диссертации – несмотря на все сделанные замечания, преимущественно блестящих, являющихся результатом очень тонкого этимологического анализа. Историческая часть диссертации представляет собой очень предварительную гипотезу, точнее – авторский вариант интерпретации интереснейших лингвистических выводов. Поэтому вместо анализа конкретики, на которой сама А. Ю. Урманчиева, вероятно, не особо настаивает, мне представляется важным сделать несколько общеметодологических замечаний в продолжение моей статьи [Напольских, 2015], которые, думается, помогут нам в дальнейшем сформулировать палеоисторическую интерпретацию полученных в рассматриваемой диссертации выводов.

1. Переходя от лингвистических схем к реконструкции предыстории, прежде всего следует осознать, что любая, даже самым аккуратным образом выстроенная схема не может отражать всей сложности реальных исторических событий. В первую очередь это касается модели родословного древа языков. Мне уже приходилось достаточно подробно обосновывать тезис о том, что *Stammbaum* отражает не процесс возникновения и развития языков, а только известный нам результат этого процесса, изображает не реальную сложную историю, а просто позволяет структурировать известную по источникам реальность, является одним из способов визуализации такого структурирования [Напольских, 2015, с. 242–245]. Механистическое понимание родословного древа как отражения если не единственного, то по крайней мере магистрального пути развития рассматриваемых языков приводит к фатальной невозможности реконструкции исторического процесса. В исторической части рассматриваемой работы такое понимание, нередкое для лингвистов, вынужденных выходить в предысторию, ощущается: «очевидно, что определение наиболее адекватной классификационной схемы существенно приблизит нас к реконструкции миграционных путей, а также такого взаимного расположения языков на карте, которое отвечало бы модели дивергенции самодийских языков» [с. 11]. Из этого положения имплицитно следует, что в исторической реконструкции нужно оперировать только теми терминами, которые присутствуют в схеме *Stammbaum*: самодийский праязык –

южносамодийский (селькупско-камасинский) праязык – селькупский праязык («периода до диалектной дивергенции» [с. 17]) – селькупский язык / селькупские диалекты. Говорить о нганасанском, например, языке как об участнике исторических процессов в период сразу после распада самодийского (или северносамодийского) – примерно то же самое, что говорить о белорусском или хорватском языке применительно ко второй половине I тыс. н. э. С точки зрения исторической кажется просто странным положение о «селькупском (пра)языке периода до диалектной дивергенции» (ср. результаты работы [Тучкова, 2020], где наглядно продемонстрировано отсутствие всякой возможности существования такого языка в реальности), однако это не случайная оговорка – см. (вслед за М. А. Живловым): «существование инноваций, общих для языков А, В, С и D (но не для других языков данной семьи), может иметь одно из двух объяснений: а) эти инновации появились в общем праязыке пра-ABCD, когда в нем еще не возникли диалектные различия, впоследствии приведшие к возникновению языков А, В, С и D; б) эти инновации возникли в одном из языков и распространились на другие путем заимствования, возможно, еще на стадии, когда языки А, В, С и D были взаимопонятными диалектами одного языка» [с. 13]. Возможно, уважаемые коллеги могут привести примеры языков, в которых нет диалектов. Наверное, под такое определение подходят энецкий, кетский или даже нганасанский языки в их современном состоянии, но дают ли такие языки семью потомков? Мне такой взгляд представляется абсолютно антиисторичным. Еще более неприемлемым выглядит положение о том, что «генетические инновации позволяют построить классификацию языков – и, очевидно, этим дивергентным процессам, отображаемым в классификационной схеме, соответствуют определенные миграционные процессы» [с. 14] (см. еще ниже: сопоставление «миграционных путей, реконструированных на основе дивергентных процессов, и географического соседства разных языков в разные исторические периоды, реконструированного на основе внутренних и внешних конвергентных процессов, – в конечном итоге дает возможность реконструировать в динамике лингвистическую карту Западной Сибири» [с. 14–15]). Это ни в коем случае не очевидно хотя бы потому, что дивергенция языков совершенно не обязательно связана с миграциями (например, исторически отслеживаемый распад русского и белорусского или португальского и испанского никакими миграциями не был обусловлен).

2. С исторической точки зрения сложение народов, а значит и языков, – результат не только дивергенции, но и конвергенции. Любой народ – даже самый немногочисленный – многокомпонентен. Этот тезис был великолепно продемонстрирован как раз на примере нганасан в исследовании Г. М. Афанасьевой [1990]. Автор рассматриваемой диссертации также не отрицает возможности конвергентных процессов в истории языка: «необходимо отметить, что параллельное изучение генетических конвергентных и ареальных дивергентных процессов позволяет отчетливо развести лингвистические явления, отражающие связи первого и второго типа» [с. 11] (здесь, видимо, опечатка, поскольку к явлениям конвергенции ведут скорее ареальные связи, а генетические обычно рассматриваются как результат дивергенции праязыка – ср. ниже в диссертации: «ареальные конвергентные модели в совокупности с генетическими дивергентными моделями позволяют достовернее воссоздать поэтапные изменения лингвистической карты Западной Сибири» [с. 11] и «дивергентным процессам, отображаемым в классификационной схеме» [с. 14]). Если, таким образом, признавать участие в генезисе, например, нганасан (а не признавать этого в свете труда Г. М. Афанасьевой невозможно) разных компонентов, в том числе и разных самодийских компонентов, то полученные А. Ю. Урманчиевой лингвистические результаты можно объяснять вовсе не круговыми хождениями по Западной Сибири мифических вечно существовавших «нганасан» и / или «селькупов», а сложением лексики нганасанского языка (речь в диссертации идет, напомним, почти исключительно о лексике) из трех компонентов: 1) северносамодийского, близкого к ненецко-энецкой группе, появившегося на Таймыре с запада или юго-запада и составившего основной суперстрат, определивший северносамодийскую аффилиацию нганасанского, 2) самодийского, близкого к селькупско-камасинской группе, пришедшего на север вдоль Енисея, как предполагал Е. А. Хелимский, и принесшего лексику, объединяющую нганасанский с селькупским и камасинским, и 3) древнего палеосибирского, составившего в нганасанском таймырский субстрат, из которого происходит лексика неизвестного происхождения. На самом деле этих компонентов могло быть больше, но эти три сегодня уже можно счи-

тать установленными. Подобным образом могут объясняться и многие другие (весьма обоснованные и ценные, повторю) языковые наблюдения диссертации.

3. Из предыдущих тезисов следует еще одно важнейшее положение, часто не учитываемое в палеоисторических построениях разных исследователей. В древних языковых процессах, несомненно, участвовало гораздо больше языков, чем это следует из схемы *Stammbaum* (и чем это обозначено на картах в финальной части рассматриваемой работы). Причем следует иметь в виду, что среди этих языков вполне могли быть как субстратные языки, не принадлежавшие ни к одной из известных нам языковых семей, так и языки, входящие в известные нам семьи, но не оставившие живых потомков, особенности которых восходили бы к этим языкам, – параугорские, парасамодийские, парауральские. И все эти языки должны были участвовать в контактных ареальных взаимосвязях, именно при их посредстве могли возникать изоглоссы, которые объединяют какие-то пары известных нам сегодня (выживших) языков. Таким парасамодийским диалектом должен был быть, например, язык южного, енисейского компонента в составе нганасан. Именно такому параугорскому (южному угорскому, близкому домансийскому и довенгерскому диалектам праугорского) языковому организму мы можем быть обязаны обнаруживаемым А. Ю. Урманчиевой параллелям между мансийским и селькупско-камасинской группой (см. выше), и нет никакой необходимости постулировать былое проживание именно манси по всей южнотаежной полосе Западной Сибири. Аналогично следует рассматривать и обнаружение этнонима **jaring-* / **jargan-jax* в бассейне Васюгана в XVIII в., который автор трактует как хантыйское название ненцев и видит в этом след (единственный, впрочем) пребывания на данной территории даже не ненцев, а маторов (!) [с. 237]: «рассматриваемый этноним восстанавливается для праобскоугорского в виде **järyän* / **jäyrän* и обозначает именно ненцев» – со ссылкой на [Напольских, 2018, с. 216]. Осмелюсь возразить: весь смысл цитируемой статьи упомянутого В. В. Напольских состоит как раз в том, что данный этноним (равно как и связанные с ним коми *jegra* > рус. *Югра*) обозначал никак не ненцев и не обских угров, а аборигенное население северо-запада Западной Сибири, языковая принадлежность которого не может быть на сегодняшний день установлена (скорее всего, парауральцев).

По поводу обско-угорской предыстории у автора диссертации вообще порой обнаруживаются странные представления: «о том, что мансийский язык был распространен в том числе и на более южных территориях, чем сейчас, хорошо известно (например, манси жили на Урале в районе реки Чусовой). Но этот факт ничего не говорит о том, какое положение относительно освоенных манси территорий занимали территории, освоенные хантами» [с. 61]. Бассейн Чусовой – это скорее не южный, а (юго-)западный полюс поздней мансийской экспансии, а наличие хантыйского субстрата в составе именно северных манси – хорошо известный факт.

Кроме того, в диссертации практически обходится молчанием вопрос о важнейшем участнике древних языковых процессов в Западной Сибири – енисейских языках (напомню, автор оперирует исключительно данными кетского и югского). Встречающиеся отсылки к контактам самодийских с енисейскими языками вызывают массу вопросов, см., например: «если говорить о локализации селькупско-кетских контактов, датируемых периодом до диалектной дифференциации селькупского – вероятно, эта контактная зона располагалась южнее современного расселения носителей кетского языка. Это вполне согласуется с реконструируемой историей енисейской семьи: в качестве прародины рассматривается Саянский регион, а начало миграции енисейцев, носителей праязыка северной ветви (к которой относятся современные кетский и югский) с территории прародины на северные территории, в бассейн Енисея, датируется рубежом нашей эры, при этом сама миграция рассматривается как достаточно длительный процесс: “Расселение в северном направлении, в бассейн Енисея носителей протоязыков той ветви, к которой относятся современный кетский и югский, было спровоцировано экспансией скотоводческих культур в гуннскую эпоху (3 в. до н. э. – 2 в. н. э.). Эта миграция должна была еще продолжаться в период возникновения Первого тюркского каганата в 552 г. н. э.” (This migration must have been underway before the rise of the First Turkic Kaganate in AD 552) [Vajda 2020: 469]» [с. 59–60] (приведенный английский фрагмент скорее надо бы переводить «должна была продолжаться до возникновения»). Получается, что (южные) селькупы всегда жили там, где жили, а предки кетов и югов к ним пришли с юга – каким путем, как они оказались севернее селькупов, как это согласуется с известными гипотезами происхождения енисейцев (А. П. Дульзон, Н. Л. Членова,

Г. Вернер – см. обзор в [Напольских, 2020, с. 72–90])? Вообще предпочтение странного «авторитета» Э. Вайды⁴ непонятно: что значит «миграция должна была продолжаться»? Еще не дошли? Новые группы уходили? Почему она датируется таким временем? Если предки кетов «вышли» из Саянского региона, то почему и как они «пришли» в бассейн Енисея – Енисей, собственно, берет начало в Саянах? И т. д. В другом месте в диссертации сказано: «если предполагать, что прасамодийцы занимались рыболовством, Енисей как магистральная трасса северных миграций не слишком пригоден: его притоки, вполне возможно, были освоены енисейскоговорящими народами, для которых рыболовство также было основным занятием» [с. 232] – т. е. получается, что предки кетов освоили север бассейна Енисея еще до начала экспансии предков самодийцев на север? Как это согласуется с предыдущим тезисом? Далее сказано: «по разным причинам для всех них <самодийцев> следует предполагать тяготение к бассейну Оби, а не к бассейну Енисея (об одной причине – возможной конкуренции с носителями енисейских языков на притоках Енисея – я уже упоминала, об остальных скажу дальше по ходу изложения)» [с. 233]. А в бассейне Оби, видимо, никто не жил? С уграми, например, там не было конкуренции?

4. Из всех этих вопросов следует, в частности, и еще одно замечание: говоря о древних миграциях, следует подкреплять свои предположения привязкой к археологическим материалам и к историческому контексту (у нас все-таки есть исторические источники по сопредельным территориям уже для I тыс. н. э.). Приведенная выше цитата из Э. Вайды – один из немногих случаев обращения автора рассматриваемой работы к этим данным. Еще один случай – уже авторское объяснение странного предполагаемого рейда предков маторов со средней Оби на юго-восток, в Саяны: маторы смещаются со своей первоначальной территории на средней Оби под давлением хантов, продвигающихся вверх по Оби и формирующих восточнохантыйский ареал, «далее носители протоматорского, продолжая заданный вектор движения, проходят по юго-западной периферии самодийского ареала и становятся непосредственными западными соседями селькупов и камасинцев» [с. 237]. Не очень понятны причины как «хантыйского взрыва», когда ханты с территорий нижнего Приобья вдруг начинают резко расселяться на юг, на восток и на север, так и такого «продолжения заданного вектора движения» маторов. Исторического обоснования этих процессов не дается, и, что особенно важно, нет никаких, даже самых приблизительных указаний на датировки этих событий, они, по сути дела, повисают в воздухе. Еще интереснее дальнейшее: «далее камасинцы вместе с маторами продолжают смещение на восток (возможно – как раз в низовья Томи, где Э. Г. Беккер отмечает еще один ареал плотного залегания камасинских топонимов); отсюда, наконец (но уже позже), их вытесняет на Саяны поздняя волна миграций носителей тюркских языков, поглотившая впоследствии и носителей южных хантыйских диалектов, и носителей южных мансийских диалектов, и южных енисейцев и, в конечном итоге, носителей саяно-самодийских языков» [с. 237]. Получается, что тюрки вытеснили камасинцев и маторов с севера, с Томи, на исконные тюркские земли, в исторический центр Кыргызского каганата. Как и когда такое могло быть возможно? Мне кажется, здесь не только не учтены исторические и археологические данные, но выводы просто вступают с ними в противоречие.

5. Отсутствие исторического и хронологического контекста прямо приводит к совершенно умозрительному характеру выводов. Помещенные на с. 232–236 карты древних миграций самодийцев («нганасан», «ненцев», «маторов» – как своего рода вечных сущностей) вызывали бы меньше протеста, если бы не были положены на реальную географическую карту: на самом деле для такой привязки решительно никаких оснований не предлагается. Почему, например, первоначальная территория расселения «нганасан» (беру в кавычки, поскольку речь идет об условной вечной сущности), откуда они в готовом виде пришли на Таймыр, – бассейн Тыма? Какие реальные аргументы указывают на то, что на Тyme когда-то присутствовал нганасанский язык? Единственная такого рода попытка привязки реконструируемых миграций и ареалов к реальной карте – отсылка к выводам давних топоними-

⁴ Есть в работе еще одна ссылка на Э. Вайду, точнее на карту распространения енисейских топоформантов в бассейне Енисея, составленную им по работам, в частности, А. М. Малолетко [Vajda, 2020, с. 468] [с. 232]. К сожалению, неархеологические работы А. М. Малолетко находятся за пределами научной методологии и не могут быть использованы в палеоисторических исследованиях. Вероятно, то же верно и в отношении экстралингвистических положений Э. Вайды.

ческих изысканий Э. Г. Беккер: «часть названий на *-ба, -ва, -ма, -ча, -чага*, встречающиеся на территории Томской области, мы считаем южносамодийскими, поскольку в структурном отношении они однотипны с <...> камасинскими и полностью раскрываются из камасинского языка» и т. д., «исследование Э. Г. Беккер позволяет локализовать камасинцев в бассейнах Чижапки, Парабели и далее – в бассейне Томи» [с. 60]. К сожалению, работы Э. Г. Беккер даже для своего времени не были вершиной научного поиска, а сейчас, конечно же, выглядят совершенно архаичными. Как камас. *bu* ‘вода, река’ дало *-ба* или *-ма* в русской адаптации? Как отличить в субстратной топонимии камас. *bu* ‘вода, река’ и *taya* ‘река’ [KamW, с. 11–12, 77] от матор. *bii* и *čaga* [Helimski, 1997, 221, 226]? Сама Э. Г. Беккер, как ясно следует из ее текста, не разводила камасинский и маторский языки: «гидронимы с перечисленными формантами широко распространены на юге Западной Сибири, где по данным исторических актов и записям путешественников еще в XVIII веке проживал ряд самодийских племен (камасинцы, моторы, койбалы, карагасы)» [с. 60]. Таким образом, и в этом единственном случае, когда итоговые схемы диссертации могут быть привязаны к карте, аргументация по сути отсутствует. Данные субстратной топонимии бесценны в аргументации палеоисторических гипотез, и сегодня мы имеем блестящий пример того, как такие данные должны вводиться в научный оборот – труды А. К. Матвеева и его школы [Матвеев, 2001–2015; 2011; Дмитриева, 2005], к сожалению, по самодийским ареалам в Западной Сибири эта работа пока по сути дела даже не начата.

Таковы в целом мои замечания к методологии предлагаемой исторической реконструкции. Не обсуждая конкретики, хотел бы заметить, что многие положения и в исторической части работы весьма интересны и заслуживают признания, например – идея о таежном рыболовстве как основе экономического уклада древних самодийцев и, соответственно, о привязке их первоначальных хабитатов и путей миграций к бассейнам средних и малых рек [с. 231].

Думается, что диссертация А. Ю. Урманчиевой – яркое, интереснейшее исследование, базирующееся на филигранном лингвистическом анализе огромного, часто совершенно не исследованного до сих пор материала по самодийским языкам – после публикации его в виде монографии положит начало новому этапу в изучении предыстории самодийцев и Западной Сибири в целом. Данные заметки, надеюсь, также послужат и корректировке ее выводов, и развитию дальнейшей дискуссии.

Список литературы

- Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. 255 с.
- Афанасьева Г. М. Традиционная система воспроизводства нганасан. (Проблема репродукции обособленных популяций). М., 1990. 872 с.
- Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005. 579 с.
- ИЭСОЯ I–V – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–5. М.; Л., 1958–1995.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001. 346 с.; Ч. II. Екатеринбург, 2004. 369 с.; [Ч.] III. Екатеринбург, 2007. 296 с.; Ч. IV. Топонимия мерянского типа. Сост., науч. ред. О. В. Смирнов. Екатеринбург, 2015. 313 с.
- Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 255 с.
- Напольских В. В. Исторические импликации двух уральских этимологий // Советское финно-угроведение. Том 25, №2. Таллинн, 1989. С. 81–83.
- Напольских В. В. К методологии палеоисторических реконструкций // Поволжская археология. № 4. Казань, 2015. С. 235–265.
- Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань, 2018. 648 с.
- Напольских В. В. Названия соли в уральских языках. СПб.: Издательство «Маматов», 2022. 144 с.
- ССТМЯ I–II – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Сост. В. И. Цинциус и др. Т. 1–2. Ленинград, 1975.
- Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. С. 144–237.

Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: Проблема корреляции данных // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 40, вып. 1–2, Казань, 2020. 414 с.

Хелимский Е. А. Keto-Uralica // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. С. 238–251.

ЭСИРЯ I–V – Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–5. М., 2000–2015.

ЭСЧЯ I–II – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.

EDAL – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological dictionary of Altaic languages. With assistance of Пяа Gruntov and Vladimir Glumov / Handbook of Oriental Studies / Handbuch Der Orientalistik. Part 8: Uralic & Central Asian Studies, 8. Leiden, 2003. 1556 p.

EWU – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Hrsg. von L. Benkő. Budapest, 1993–1994. 1684 S.

Futaky I. Uralisch und Tungusisch // The Uralic languages. Description, history and foreign influences. Ed. by D. Sinor. Leiden – New York – København – Köln, 1988. Pp. 781–791.

Helinski E. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. Szeged : JATE Finnougor tanszék, 1997. (Studia Uralo-Altaica, XLI). 475 S.

Janhunen J. On early Indo-European – Samoyed contacts // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 185. Helsinki, 1983. Pp. 115–127.

Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Hrsg. von A. J. Joki / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 8. Helsinki, 1944. 215 S.

KEWAI I–IV – Mayhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A concise etymological dictionary of the Ancient Indian. Bd. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.

ND – Dolgopolsky A. Nostratic dictionary. Cambridge, 2008. 3116 p.

Nikolaeva I. A Historical Dictionary of Jukaghir / Trends in linguistics. Documentation, 25. Berlin – New York, 2006. 500 p.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970. 195 S.

Sebestyén I. N. Az uráli nyelvek régi halnevei // Nyelvtudományi közlemények, 49. Budapest, 1935. O. 1–97.

SW – Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien / Castrenianumin toimitteita. № 17. Helsinki, 1977. 186 S.

Tatár M. Palatal / velar doublets in the Uralic and Altaic languages // Riepmočála. Essays in honour of Knut Bergsland presented on the occasion of his seventieth birthday. Ed. by B. Brendemoen, E. Hovdhaugen and O. H. Magga. Oslo, 1984. P. 165–181.

Toivonen Y. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. 32. Helsinki, 1952. S. 1–169.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1991. 906 S.

Vajda E. J. Typological accommodation in Central Siberia // The Language of Hunter-Gatherers. Ed. by T. Güldemann et al. Cambridge, 2020. P. 465–498.

WogW – Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi. Hrsg. von Béla Kálmán. Budapest, 1986. 950 S.

References

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow, Leningrad, 1958–1995, vols. 1–5. (In Russ.)

Afanas'eva G. M. *Traditsionnaya sistema vosproizvodstva nganasan. (Problema reproduksii obosoblennykh populyatsiy)* [The traditional nganasan reproduction system. (The problem of reproduction of isolated populations)]. Moscow, 1990, 872 p. (In Russ.).

Anikin A. E., Khelimskiy E. A. *Samodiysko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie svyazi* [Samoyed-Tungusic-Manchurian lexical relations]. Moscow, 2007, 255 p. (In Russ., In Ossetian).

Dmitrieva T. N. *Toponimiya basseyna reki Kazym* [Toponymy of the Kazym River basin]. Ekaterinburg, 2005, 579 p. (In Russ.).

- Dolgopolsky A. *Nostratic dictionary*. Cambridge, 2008, 3116 p.
- Edel'man D. I. *Etimologicheskiy slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Moscow, 2000–2015, vols. 1–5.
- Etimologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Hrsg. von L. Benkő. Budapest, 1993–1994, 1684 p.
- Fedotov M. R. *Etimologicheskiy slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, 1996, vols. 1–2. (In Russ., in Chuvash).
- Futaky I. Uralisch und Tungusisch. In: *The Uralic languages. Description, history and foreign influences*. D. Sinor (Ed.). Leiden, New York, København, Köln, 1988, pp. 781–791.
- Helimski E. *Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte*. Szeged : JATE Finnougor tanszék, 1997 (Studia Uralo-Altaica, XLI), 475 p.
- Janhunen J. On early Indo-European – Samoyed contacts. In: *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, 1983, vol. 185, pp. 115–127.
- Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. In: *Castrenianumin toimitteita*. Helsinki, 1977, vol. 17, 186 p.
- Khelimskiy E. A. Keto-Uralica. In: *Ketskiy sbornik. Antropologiya, etnografiya, mifologiya, lingvistika* [The Ket collection. Anthropology, ethnography, mythology, linguistics]. Leningrad, Nauka, 1982, pp. 238–251. (In Russ.).
- Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Hrsg. von A. J. Joki. In: *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. Helsinki, vol. 8, 1944, 215 p.
- Matveev A. K. *Materialy po mansiyskoy toponimii gornoy chasti Severnogo Urala* [Materials on the Mansi toponymy of the mountainous part of the Northern Urals]. Ekaterinburg, UrSU, 2011, 255 p. (In Russ.).
- Matveev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [The substratum toponymy of the Russian North]. Ekaterinburg, 2001, pt. 1, 344 p.; 2004, pt. 2, 369 p.; 2007, pt. 3, 296 p.; 2015, pt. 4: *Toponimiya meryanskogo tipa* [Toponymy of the Meryan type]. O. V. Smirnov (Comp., Ed.), 313 p. (In Russ.).
- Mayhofer M. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A concise etymological dictionary of the Ancient Indian*. Heidelberg, 1956–1980, vols. 1–4.
- Napol'skikh V. V. Istoricheskie implikatsii dvukh ural'skikh etimologiy [Historical implications of two Uralic etymologies]. In: *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric studies]. Tallinn, 1989, vol. 25, no. 2, pp. 81–83. (In Russ.).
- Napol'skikh V. V. K metodologii paleoistoricheskikh rekonstruktsiy [On the methodology of paleohistorical reconstructions]. *The Volga River Region Archaeology*. 2015, no. 4, pp. 235–265. (In Russ.).
- Napol'skikh V. V. *Nazvaniya soli v ural'skikh yazykakh* [Salt names in the Uralic languages]. St. Petersburg, Mamatov, 2022, 144 p. (In Russ.).
- Napol'skikh V. V. *Ocherki po etnicheskoy istorii* [Essays on ethnic history]. 2nd ed., rev. and suppl., Kazan, 2018, 648 p. (In Russ.).
- Nikolaeva I. A Historical Dictionary of Jukaghir. In: *Trends in linguistics Documentation*. Berlin, New York, 2006, vol. 25, 500 p.
- Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1970, 195 p.
- Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1986–1991, 906 p.
- Sebestyén I. N. Az uráli nyelvek régi halnevei. In: *Nyelvtudományi közlemények*, 49. Budapest, 1935, pp. 1–97.
- Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Dictionary of the Tungusic-Manchu languages]. V. I. Cincius et al. (Comps.). Leningrad, 1975, vols. 1–2. (In Russ.).
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *Etymological dictionary of Altaic languages*. With assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov. Handbook of Oriental Studies. Handbuch Der Orientalistik. Leiden, 2003, pt 8: Uralic & Central Asian Studies, 1556 p.
- Starostin S. A. Praeniseyskaya rekonstruktsiya i vneshnie svyazi eniseyskikh yazykov [Proto-Yenisei reconstruction and external relations of the Yenisei languages]. In: *Ketskiy sbornik. Antropologiya, etnografiya, mifologiya, lingvistika* [The Ket collection. Anthropology, ethnography, mythology, linguistics]. Leningrad, Nauka, 1982, pp. 144–237. (In Russ.).

Tatár M. Palatal/velar doublets in the Uralic and Altaic languages. In: *Riepmočála. Essays in honour of Knut Bergsland presented on the occasion of his seventieth birthday*. B. Brendemoen, E. Hovdhaugen and O. H. Magga (Eds.). Oslo, 1984, pp. 165–181.

Toivonen Y. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. In: *Finnisch-ugrische Forschungen*. Helsinki, 1952, vol. 32. pp. 1–169.

Tuchkova N. A. Etnicheskaya istoriya i fol'klor sel'kupov: Problema korrelyatsii dannykh [Ethnic history and folklore of the Selkups: The problem of data correlation]. In: *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University]. Kazan, 2020, vol. 40, iss. 1–2, 414 p. (In Russ.).

Vajda E. J. Typological accommodation in Central Siberia. In: *The Language of Hunter-Gatherers*. T. Güldemann et al. (Eds.). Cambridge, 2020, pp. 465–498.

Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi. Hrsg. von Béla Kálmán. Budapest, 1986, 950 p.

Сокращения в названиях языков и диалектов

ав. – авестийский; **Вах** – ваховский диалект хантыйского языка; **венг.** – венгерский; **Дем.** – говор с. Демьянка хантыйского языка; **диал.** – диалектное; **иран.** – иранский; **камас.** – камасинский; **карагас.** – карагасский; **кет.** – кетский; **кор.** – корякский; **манс.** – мансийский; **мар.** – марийский; **мат.** – маторский; **нан.** – нанайский; **нган.** – нганасанский; **нен.** – ненецкий язык; **нен. лес.** – лесной ненецкий язык; **осет.** – осетинский; **ПАлт** – праалтайский; **Пел.** – пельмский диалект мансийского языка; **перс.** – персидский; **ППерм** – прапермский; **ПСам** – прасамодийский; **ПТМ** – пратунгусо-маньчжурский; **ПУ** – прауральский; **ПУг** – праугорский; **ПФУ** – прафинно-угорский; **С.** – сосвинский диалект мансийского языка; **сам.** – самодийский; **сев.-сам.** – северносамодийский; **сельк.** – селькупский; **сельк. сев.** – северные диалекты селькупского языка; **Тавд.** – тавдийский диалект мансийского языка; **тат.** – татарский; **тох.** – тохарский; **тунг.** – тунгусский; **тю.** – тюркский; **удм.** – удмуртский; **ф.-волж.** – финно-волжский; **фин.** – финский; **хант.** – хантыйский; **хант. сев.** – северные диалекты хантыйского языка; **чув.** – чувашский; **эвенк.** – эвенкийский; **эн.** – энецкий; **Юган** – юганский говор сургутского диалекта хантыйского языка; **юкаг.** – юкагирский; **якут.** – якутский

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
04.10.2023*

Сведения об авторе

Напольских Владимир Владимирович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

ORCID 0000-0002-1549-9639

Information about the Author

Vladimir V. Napol'skikh – Doctor of History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); Senior Researcher at the School of Topical Humanitarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

ORCID 0000-0002-1549-9639